

*Моей ушедшей
в последнее странствие бабусе.
За невольное соавторство
и переданную страсть
к путешествиям*

У семьи Петсофиндусовых не было дома. А был только фиолетовый фургон. Им хватало.

Внутри фургона висела снүсмүтриковая гирлянда, которая весь день вбирала в себя солнечные лучи, а ночью без всяких батареек и проводов светила ярко-ярко до самого утра.

Еще у семьи Петсофиндусовых был пес Гунька. Вообще-то его звали Гүннар, как вождя суровых викингов, но пес носился, задрал хвост, повизгивал и валялся в траве, перекачываясь с боку на бок. Викинги так себя не ведут, это уж точно. Поэтому мама Габриэлла упростила его имя до Гуньки.

У мамы Габриэллы было много туфель. И все — чтобы танцевать. Бежевые

лодочки на высоком каблуке — для вальса и полонеза, черные босоножки с тоненьким ремешком — для танго, черно-

белые ботинки с прибитой к каблуку железной пластинкой — для чечетки, мягкие розовые пуанты с лентами — для балета и еще двадцать или тридцать пар туфель — для разных танцев народов

мира. Были даже браслеты из засохшей травы, которые надевались на щиколотки, чтобы исполнять босиком танец острова Чунга-Чанга.

А еще у мамы Габриэллы был папа Марк. То есть муж Марк. Папой он был для Теккеля, Берри и Фина.

У папы Марка была старинная гитара с тридцатью струнами. Так что на ней можно было играть любую песню любого народа Земли. Когда папа Марк не играл, он прятал гитару в большой зеленый кофр, обитый изнутри красным бархатом. Совсем как арбуз. Если бы только арбузы были в форме гитары.

У мамы Габриэллы и папы Марка было трое детей: мальчик Геккель, девочка Берри и еще один мальчик – Фин. Геккелю было десять лет, Фину – семь. И хотя Фин был младше брата на три года, он вырос на целых три головы выше. Девочка Берри была красавицей, очень похожей на маму: с кудрями и длинными ресницами. Она тоже любила танцевать, особенно водить хороводы.

У Берри была кукла Люси с розовыми волосами. У куклы Люси в носу была круглая сережка, а на руке – татуировка в виде пантеры. Эту куклу Берри выиграла в тире на острове Суматра, где очень метко швыряла кокосами в нарисованную на скале мишень.

У Геккеля была рогатка. У всех детей, которых они встречали, из оружия были только бластеры или световые мечи. Игрушечные, конечно. А у Геккеля была самая настоящая рогатка, которую ему папа Марк выстругал из бутылочного дерева на архипелаге Сокотра.

Чтобы пластиковые пистолетики стреляли, нужны специальные пули, а когда они кончатся, нужно бегать под обстрелом и собирать их, иначе стрелять будет нечем. А вот Геккель мог заложить в рогатку что угодно: и камни, и косточки, и пробки от бутылок, и ракушки. Поэтому из всех уличных драк он всегда выходил победителем.

У Фина был нож. Обычно детям не разрешается носить с собой нож, но Фин был ростом с папу Марка и у него даже росли усы, поэтому никто не догадывался, что Фин — ребенок. Нож Фину подарил один старый бербер из Марокко, когда они шли в верблюжьем караване из Томбукту в Марракеш через пустыню Сахару.

Вот сколько всего было у семьи Петсофиндусовых. А дома не было. Точнее, он был, но стоял запертым на сто замков и никто там не жил. Потому что дом не мог двигаться, а это Петсофиндусовых не устраивало.

Когда-то они жили, как все семьи, в старенькой пятиэтажке на краю неболь-

шого города. Мама Габриэлла работала ветеринаром, а папа Марк — зубным врачом. Теккель, Берри и Фин ходили в обычную школу, и звали их тогда Коля, Наташа и Стас.

Но вот в шестом классе у них началась география. Коля, Наташа и Стас никак не могли запомнить названия стран и городов, так их было много, и получали всегда одни двойки. Тогда мама Габриэлла решила помочь детям. Вместе с папой Марком они собрали все вещи, которые были у них дома: все книги, тарелки, подушки, цветочные горшки, прищепки, вилки, все полотенца, шапки, карандаши — и продали их на городском рынке. Даже лампочки из люстр повыкручивали и тоже продали. А на эти деньги купили старенький фургон.

Всё лето они спали на голом полу и ели руками, а папа чинил фургон. Как раз к первому сентября фургон был готов и покрашен в фиолетовый цвет. Мама Габриэлла зашла в школу и предупредила, чтобы ее детей на линейку никто не ждал, потому что они отправляются учить географию.

И вот, когда первого сентября все одноклассники Коли, Наташи и Стаса надели праздничные наряды с белым верхом и темным низом, а все мамы купили по букету астр для учительниц, семья Петсофиндусовых заперла свою пустую квартиру на сто замков, села в фургон и поехала на юг, подальше от школы, осени, простудных заболеваний и счетов ЖКХ.

Впереди их ждали дальние страны, и детей переименовали в Геккеля, Берри и Фина, чтобы иностранцам было легче с ними знакомиться. Всю дорогу дети учили иностранные языки. Чтобы нигде не пропасть, Геккель учил английский, Берри — испанский, а Фин — китайский. Но потом это не всегда их спасало, потому что фургон вез их в страны, где люди не говорили ни на одном из этих языков. Тогда помогали только жесты и улыбки. Язык улыбок был знаком всем жителям Земли.

Семья Петсофиндусовых побывала в самых разных странах: и в джунглях Индонезии, и в саваннах Африки, и в лесах Северной Америки, и в горах Южной Америки. Даже

во льдах Антарктиды побывала, но не на фургоне, конечно, а на корабле. Капитан корабля согласился взять их в Антарктиду, если мама Габриэлла будет всю дорогу танцевать, папа — играть на гитаре и петь, а Теккель — учить сына капитана английскому. Пока они плавали в Антарктиду, фиолетовый фургон ждал их на острове Огненная Земля. Петсофиндусовы разрешили местным жителям ездить на нем в магазин и к врачу, за что те подарили Петсофиндусовым так много разной еды, когда они вернулись из Антарктиды, что Петсофиндусовы смогли доехать до самой Бразилии без остановок.

В Бразилии папа снял у фургона колеса и сделал из бревен большой плот. А на плот поставил фургон. И так они проплыли по всей Амазонке. А колеса использовали вместо спасательных кругов, пока одно колесо не изгрызли пираньи, а другое не съел крокодил, заглотив его целиком.

— Конец? — спросила бабушка и улыбнулась.

Ленка почувствовала, как горят ее щеки, уши и шея. Плакать перед бабушкой не хо-

телось, поднимать глаза — тоже. Не хотелось ни отвечать, ни молчать. Хотелось вот что: отмотать время на пятнадцать минут назад и не входить в бабушкину комнату с тетрадкой в клеточку, исписанной вдоль и поперек.

— Нет, — пробасила Ленка в нос, — просто... просто тетрадка закончилась... там... там история вообще-то в начале. Это тетрадка моя... моя тетрадка для самостоятельных и контрольных работ. Раздали нам. Но потом на физре я сидела... сидела в раздевалке и написала туда. Больше некуда было. Телефон сел...

И она заплакала.

Только не снаружи, а внутри. Так что бабушка ничего не заметила.

— Елена, — Нина Константиновна сняла тоненькие очки-половинки и угнездилась в низком крутобоком кресле поудобнее. Она всегда так делала перед Речью.

Ленка перестала плакать внутри и еще сильнее покраснела снаружи.

— Ну, во-первых, я насчитала тысячу «был», «было», «были» — это никуда

не годится. Потом. Что за идиотские, ты уж меня прости, имена? Ну, допустим, Геккель, Берри и Фин — это мне понятно. Хотя и слишком очевидно. Ты могла бы придумать что-нибудь пооригинальнее: ты же умная начитанная девочка у нас. А что за фамилия у них? Откуда?

Нельзя молчать, когда в Речи появляются вопросы. Это Ленка поняла с детства. Потому что если тебя спрашивают, а ты не отвечаешь, то Речь, как Змей Горыныч, удваивает головы и превращается в две Речи. Первая ставится на паузу, произносится Речь про то, как некрасиво воспитанным детям не отвечать на вопросы старших, потом снова включается первая Речь. Если останутся вопросы, если поковыряешься в носу, если заплачешь, если начнешь смотреть в окно — раз, раз, раз. Новая голова. Еще одна. Еще. Стой тогда и слушай до вечера. Нет уж.

— Это книжки такие. Про Петсона и его кота Финдуса. Детские. Я же... я же для детей написала. Ну пишу.

— Милая, — бабушка рассмеялась, — «я пишу для детей» могла сказать Агния Львовна

Барто. А ты пока фантазируешь и сочинительствуешь, дружочек. Со-чи-ни-тель-ству-ешь. И, кстати, для каких это детей? Для твоих друзей, что ли?

Ленка считала, что дети — это ее пятилетняя соседка Аня и Анины подружки. Она писала для них.

— Нет, — тихо ответила Ленка и снова заплакала. И снова внутри.

— И потом, Леночка, в настоящем талантливом тексте есть место юмору, а глупости — нет. Какая-то, ты извини, вульгарность про ЖКХ совсем тебе не к лицу. Так шутят неумные взрослые, знаешь ли. И что там у тебя в начале за цвет гирлянды? Что-то про снумумриков? Всё смешала!

— Это они так называли цвет самума, — Ленка перешла на шепот.

— Что?! Самума?.. Лена, — бабушка покачала головой, — прежде чем сваливать всё в одну кучу, ты бы хоть поинтересовалась, что такое самум и есть ли у него цвет. А то услышала, наверное, красивое слово и подцепила, как сорока, без всякого понимания.